

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ШАНИДЗЕ А. Г.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. Спрягаемая единица глагола. Спрягаемые единицы глагола принято называть разными именами: презенс, футур, аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, конъюнктив, императив и др. Ввиду того, что для них не существует общего названия, я ввел в употребление термин «ряд» или «скрива». В Большой Советской энциклопедии сказано: «Ряд (или скрива) — термин, предложенный грузинским языковедом А. Г. Шанидзе для обозначения группы глагольных форм, образующих парадигму глагольного спряжения, к-рые объединены временным и модальным (реже видовым) грамматич. значением, но различаются по лицам и числам (а иногда и по родам)» [1]. Там же указана литература вопроса [см. 2, 3].

Из двух равнозначных терминов («ряд», «скрива») второй является несколько видоизмененной формой грузинского слова *məkriv-i*, обозначающего «ряд» (фонетическое изменение слова вызвано желанием облегчить негрузинам произношение термина).

В грузинском языке имеются одноличные, двухличные и трехличные глаголы, т. е. глаголы, содержащие в одной форме соответственно одно, два или три лица. Здесь одноличные глаголы, как и глаголы многих других языков, знающих только субъектное спряжение (т. е. спряжение, содержащее в своих формах лишь лицо субъекта), в скриве дают обычно шесть форм, называемых членами скривы (*говорю, говоришь, говорит, говорим, говорите, говорят*). Что же касается двухличных и трехличных глаголов, то число членов, различающихся по форме, в каждой скриве (за исключением скривы императива) доходит в новогрузинском до восемнадцати. Их могло бы быть больше, но некоторые формы совпадают.

Поскольку вообще не существует форм для 1-го субъектного лица ед. числа повелительного наклонения, то число членов императивной скривы всегда меньше, чем в других скривах.

Я давно употребляю термин «скрива» в своих грамматических трудах, использован он и в моей «Грамматике древнегрузинского языка» (Тбилиси, 1976). Эту грамматику перевел на немецкий язык профессор Иенского университета Х. Фенрих [4], употребивший вместо «скривы» ее немецкий эквивалент «Reihe». Вместе с тем профессор Чикагского университета Г. И. Аронсон в своем учебнике новогрузинского языка предпочел применить грузинский термин в форме *screeve* [5]. Годом раньше удачно применил понятие скривы литовский языковед М. Л. Палмайtis в своей статье, посвященной эволюции способов передачи видовых значений [6].

Количество скрив в разных языках, естественно, неодинаково. В древнегрузинском их пятнадцать, а в новогрузинском литературном — восемь (у некоторых глаголов типа *vsxovnob* «живу» — одиннадцать). В современном русском литературном языке у глаголов несовершенного вида их пять (*говорю, буду говорить, я говорил, я говорил бы, говори*), а у глаголов совершенного вида — четыре (*скажу, я сказал, я сказал бы, скажи*). В немецком количество скрив — десять, в латинском — двенадцать, во французском — шестнадцать. Один подсчет скрив в каком-либо языке дал бы ясное представление о наличных в нем спрягаемых формах глаголов. Не пора ли ввести этот грамматический термин во всеобщее употребление?

2. О глагольной категории контакта. Контактom я назвал глагольную категорию, которая показывает, как действует субъект на прямой объект: непосредственно или опосредованно, т. е. при помощи другого лица [см. 3]. Отсюда различаются два контакта: непосредственный (иммедиат) и посредственный (медиат). Ср. примеры из грузинского языка:

Иммедиат:	<i>peṭre aṣenebs saxls</i>	«Петр строит дом»
Медиат:	<i>peṭre pavles aṣenebinebs saxls</i>	«Петр заставлял Павла строить дом»
Иммедиат:	<i>peṭrem datvi moḡla</i>	«Петр убил медведя»
Медиат:	<i>peṭrem pavles datvi moaḡkulevina</i>	«Петр заставил Павла убить медведя»

В формах посредственного контакта, в сущности, имеются два действующих лица: одно является инициатором, организатором действия (в данных примерах — Петр), а другое — исполнителем воли инициатора (в данных примерах — Павел). В грузинском предложении инициатор передается субъектом (подлежащим), а исполнитель — косвенным объектом.

Контактные формы в грузинском встречаются, впрочем, редко, и у форм страдательного залога. Так, например, активная форма *vakvlevineb* значит «я заставляю его убить того», а соответствующая пассивная *vekvlevinebi* значит «я делаю (поступаю) так, чтобы я был убит им». Другой пример: глагол непосредственного контакта *ixdis* «он платит (долг, налог)» образует форму посредственного контакта *axdevinebs* «он заставляет его платить». От последнего глагола имеем форму *gvaxdevibeḡdnen* «они взыскивали с нас», например, *uṣin amdens ar gvaxdevibeḡdnen* «раньше с нас не взыскивали столько». Соответствующая страдательная форма будет: *uṣin amdeni ar gvaxdevineboda* «раньше с нас не взыскивалось столько».

Хотя контактные формы имеются во многих языках, в грамматиках таких языков принято рассматривать только формы посредственного контакта, причем соответствующим термином служит «каузатив» (либо «фактитив»). Чем же плох этот термин? Стоит ли заменять его новым? Да, стоит. Дело в том, что всякая грамматическая категория зиждется, как известно, на сосуществовании двух или более форм, противопологающихся друг другу как в звуковом, так и функциональном отношениях. Так, например, если бы в русском не существовало разных форм имени, различающихся между собой как в отношении звукового состава, так и по значению (ср. *стол, стола, столу, столом, о столе*), то не было бы и падежей, как нет их во французском, персидском, абхазском и других языках. Точно так же, если бы не существовало глагольных форм, различающихся между собой по признаку незавершенности или завершенности действия (ср. *кончать — кончить, делать — сделать* и т. п.), то не было бы и категории вида. Поэтому термин «каузатив», не предполагающий некаузативной формы, противопоставленной каузативной как по звуковому составу, так и по значению, не дает ясного представления о данном грамматическом явлении.

Поэтому я считаю вполне закономерным ввести в обиход понятие контакта (непосредственного и посредственного), которое является вполне оправданным для данного грамматического явления. Что же касается термина «каузатив», то он давно просится в отставку.!

3. Место звательной формы в грамматике. Некоторые языки (например, греческий, грузинский) имеют особые формы имени для выражения обращения, а другие, не имея их, пользуются для обращения именительным падежом (например, русский, немецкий, армянский и др.).

Грузинский язык для образования формы обращения приставляет гласный *o* к основе имени, как в единственном числе, так и во множественном. В то же время множественное число в грузинском имеет двоякую форму, образуемую посредством суффиксов *-n* или *-eb*. Так, например, от *megobari* «друг» имеем:

	Ед. число	Мн. число
Им. падеж	<i>megobar-i</i>	<i>megobar-n-i/megobr-eb-i</i>
Зв. падеж	<i>megobar-o</i>	<i>megobar-n-o/megobr-eb-o</i>

Ср. эти формы в атрибутивном словосочетании:

<i>ĉeto žvirpaso megobaro</i>	мой дорогой друг!
<i>ĉetno žvirpasno megobarno</i>	} мои дорогие друзья!
<i>ĉeto žvirpraso megobrebo</i>	

Во всех грамматиках грузинского языка XVIII и XIX вв. форма обращения всегда находила свое место среди падежей: именительный, повествовательный (эргативный), дательный, родительный, творительный, модальный, звательный. Сомнения возникли только в XX в. Профессора Тбилисского университета В. Т. Топуриа и А. С. Чикобава, следуя по стопам некоторых русских ученых (Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, М. Н. Петерсона и др.), изыкали формы звательного падежа из грузинской грамматики. Под их влияние подпала средняя школа, где с 1927 до 1934 г. звательная форма имени не входила в круг падежей. Находя такое положение ненормальным, в декабре 1932 г. я выступил на специальном совещании, созванном Наркомпросом Грузинской ССР, с опровержением этого направления в грамматических вопросах, и звательный падеж был восстановлен в своих правах в программах и школьных курсах Грузинской ССР. Тем не менее В. Т. Топуриа попытался позднее обосновать свое мнение в специальной статье [7], а А. С. Чикобава продолжал считать, что «такие формы, как *amxanagebo* (товарищи!), *proleĉarebo* (пролетарии!), не представляют собой падежа» [8, с. 136]. Поэтому естественно, что в статье А. С. Чикобава «Общая характеристика грузинского языка», предпосланной редактировавшемуся им первому тому «Толкового словаря грузинского языка» (1950), значатся только шесть падежей, данных в таком порядке: именительный, повествовательный, дательный, направительный (т. е. модальный), родительный, творительный (седьмой падеж, звательный, здесь отсутствует). Еще в 1942 г. в статье, посвященной этому вопросу, я разъяснил сущность данной формы и подчеркнул, что ее место среди падежей [9].

Мне кажется странным следующее обстоятельство: еще древние греки догадывались, что звательная форма — это падежная форма, а некоторые ученые наших дней, исходя из неточного определения падежа, исключают ее из числа падежей. Так, например, А. С. Чикобава определял падеж как форму имени, выражающую «отношение имени к имени или имени к глаголу» [8, с. 135]. Точнее было бы определить его так: падеж — это одна из нескольких форм имени, объединенных одним лексическим значением, но различающихся по употреблению в речи.

4. Удгеры. Неизменяемыми принято называть части речи, которые не являются ни именем, ни глаголом. В некоторых языках это так и есть. Например, в русском наречия, предлоги, союзы, частицы и междометия не знают словоизменения. Так, наречие *завтра* в русском неизменяемо, поэтому вместо него в случае необходимости употребляется *завтрашний день*. Так, например, одно место из евангелия от Матфея (6, 34) на русский перевели с греческого следующим образом: *не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день будет заботиться о своем*, тогда как древние грузины то же самое перевели так: *ni zrunavt xvalisatys, rametu xvaleman izrunos tavisa tysisa*, где *xvale* «завтра» в одном случае выступает в родительном падеже (*xvalisatys*), а в другом — в эргативном (*xvaleman*). Это происходит постольку, поскольку всякое слово из разряда «неизменяемых» в грузинском, как древнем, так и новом, можно использовать в качестве имени существительного и склонять. В таком же качестве может быть употреблена даже глагольная форма. Ср. следующий пример: *erti makvs szobs atas mkondas* «одно „имею“ лучше, чем тысяча „имел“», где *makvs* «имею» мыслится стоящим в именительном падеже, а *mkonda* «я имел» — в дательном (*mkonda-s*).

Поэтому для объединения всего, что не есть ни имя, ни глагол, я ввел в употребление термин «удетер», являющийся словом греческого происхождения (*ὁδῆτερος* «ни один из двух»). Таким образом, в совокупности получаются три разряда слов: 1) имя: существительное, прилагательное, числительное, местоимение; 2) глагол (действительного залога, страдательного залога, среднего залога); 3) удетер: наречие, предлог и послелог, союз, частица, междометие.

Будущее покажет, найдет ли предложенный мною термин поддержку и у других языковедов.

ЛИТЕРАТУРА

1. БСЭ. 2-е изд., 1955, т. 37, с. 539.
2. Шанидзе А. Г. Категория ряда в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка.— Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры АН ГрузССР, 1941, № 10.
3. Шанидзе А. Г. Глагольные категории акта и контакта на примерах грузинского языка.— ИАН ОЛЯ, 1946, т. 5, вып. 2.
4. А. Schanidse. Grammatik der altgeorgischen Sprache. Aus dem Georgischen von Heinz Fähnrich. Тбилиси, 1982.
5. Aronson H. I. Georgian. A reading grammar. Columbus (Ohio), 1982, p. 41.
6. Паллайтис М. Л. От греческой системы к славянской. К типологии вида.— ВЯ, 1981, № 4.
7. Топурия В. Т. О звательном падеже.— Коммунистური აგრძისავის (За коммунистическое воспитание), 1935, № 1 (на груз. яз.).
8. Чикобава А. С. Общее языковедение. Пропедевтическая часть. 2-е изд. Тбилиси 1939 (на груз. яз.).
9. Шанидзе А. Г. Место звательной формы в грамматике.— Изв. АН ГрузССР, 1942, № 5.